

**Доктор Стивен Мэтьюсон,
Проповедь по ветхозаветным повествованиям,
Сессия 8: Рассказывание историй, вхождение и выход из
них.**

Это доктор Стивен Д. Мэтьюсон в серии проповедей о повествованиях Ветхого Завета. Это восьмая сессия: Рассказывание историй, вступление и завершение.

Эта сессия посвящена рассказыванию историй, вступлению и завершению . Вступление и завершение касаются вступления к проповеди, а завершение, конечно же, — её заключения. Но основная часть будет посвящена пересказу истории, попытке рассказать её хорошо . Знаете, любая история может либо наскучить, либо увлечь аудиторию.

Главное – это рассказчик. А проповедники, которые хотят рассказывать истории с изяществом, должны овладеть искусством рассказчика. Поэтому пришло время составить план проповеди, и, как говорит Хэддон Робинсон, пора оживить сухие кости.

Итак, как проповедник, помните, ваша задача — произнести проповедь, а не составить план. План — это не проповедь. Он подобен скелету без плоти.

Итак, как же наполнить скелет жизнью? И что еще важнее, как сделать проповедь более привлекательной, а не пресной? Думаю, один из способов, который действительно может в этом помочь, — это подготовить рукопись проповеди. Возможно, со временем вы перестанете это делать, возможно, вам больше подойдет более подробный план, но стоит переписать проповедь слово в слово. Я уже говорил, что занимаюсь пасторским служением почти 40 лет, и у меня бывают разные циклы.

Последний раз я дословно переписывал текст проповеди примерно два года назад, за два года до записи этого видео. И в течение примерно 18 месяцев это было просто хорошей практикой для меня. Я просто переписывал все свои проповеди.

Я написал рукопись. Но я сделал это не для того, чтобы запомнить её. Лучше всего, если вы даже не будете брать рукопись с собой на кафедру.

Скорее, письмо часто является способом мышления. Оно подходит не всем, но я думаю, что большинству из нас, когда мы мучаемся над словами, когда думаем о том, как это всё сформулировать, это действительно помогает нам мыслить. Именно поэтому я так люблю готовить рукопись проповеди.

В конце концов, вы можете решить: «Я просто напишу вступительную и заключительную части в рукописи». Или, может быть, в проповеди есть ключевой момент, когда вы говорите: «Мне действительно нужно хорошенько подумать, как это сказать», и вы просто потратите время на написание абзаца, чтобы хорошо выразить свою мысль. Но я бы посоветовал вам, начиная проповедовать, а затем и на протяжении всего вашего служения, время от времени возвращаться к этой практике и писать полную рукопись проповеди.

Теперь, когда вы это делаете, секрет в том, чтобы писать в устном стиле. То есть, представьте, что кто-то сидит с ноутбуком, слушает вашу проповедь и записывает её. Он записывает слово в слово.

Или, допустим, запись сделана, и кто-то использует ИИ для преобразования её в стенограмму. Именно это вы и пытаетесь создать. Например, если вы учитель английского языка или даже профессор семинарии, и мы проверяем работу, и в ней есть незавершённое предложение, вам могут поставить за это скидку.

Но иногда мы говорим неполными предложениями, не так ли? Так что наличие неполного предложения — это нормально. Вы пытаетесь сделать так, чтобы рукопись звучала так, как будто вы говорите, и это полезно. Это заставит вас тщательно продумать, как вы собираетесь выразить свои мысли.

Что касается рукописи проповеди, я никогда не пытаюсь её выучить наизусть, но читаю её хотя бы один раз накануне проповеди, иногда пару раз. Желательно, чтобы я мог прочитать её один раз, например, в пятницу вечером или один раз в субботу вечером, но обычно, если я могу сделать это в одну субботу вечером, всё в порядке. Но, поступая таким образом, вы обнаружите, что усвоите её.

Я не пытаюсь это запомнить, но вы это усвоите, и некоторые детали запомнятся. Некоторые фразы тоже запомнятся. Поэтому я бы посоветовал вам написать рукопись проповеди.

Но что же входит в этот набор элементов? Как вы прорабатываете план проповеди, когда пишете её в рукописи? Что ж, в проповеди на ветхозаветную тему я уже говорил об этом, но ваша главная задача, основная тактика, будет заключаться в том, чтобы хорошо рассказать историю, или, точнее, хорошо её пересказать. Вот здесь-то и начинаются сложности, потому что, помните, мы говорили, что авторы ветхозаветных историй рассказывают их в довольно лаконичном, сжатом стиле. Вы не найдёте там никаких лишних строк.

Каждая деталь имеет своё предназначение. Они не дают вам множество дополнительных деталей, чтобы попытаться описать вам всю картину. Но я

думаю, что нам с вами, возможно, придётся это делать, когда мы будем рассказывать эти истории.

Главное — найти баланс между лаконичностью и детализацией. Мы не хотим впадать в другую крайность и придумывать все эти витиеватые описания, изображать персонажа так, как это мог бы сделать современный писатель, или описывать сцену подобным образом. Иными словами, возникает соблазн добавить слишком много деталей и описаний, стремясь к элегантности, а не к простоте.

Поэтому один из способов помочь вам в этом — читать хороших рассказчиков. Прежде всего, читайте классических романистов. Я бы очень рекомендовал вам Эрнеста Хемингуэя, потому что он действительно умел писать в лаконичном стиле.

Он использовал сильные глаголы и нечасто прибегал к наречиям и прилагательным. Его предложения были короткими, но при этом он использовал разнообразные выражения. И да, он именно такой человек, и таких, как он, много.

Но я бы особенно рекомендовал вам почитать творческие описания ветхозаветных историй, ветхозаветной культуры или ветхозаветных персонажей. Начать можно с книги Юджина Петерсона о жизни Давида. Она называется «Земная духовность».

И он демонстрирует тот тип повествования, те описания, которые, как мне кажется, могут использовать проповедники. Позвольте мне просто зачитать вам его описание встречи Давида в пустыне, когда он наткнулся на царя Саула в пещере близ Эн-Геди. Вот как он это описывает.

Он сказал: «Давид и несколько его людей спрячутся в пещере, высеченной в скалах над Мертвым морем. Кстати, вы обратили внимание на формулировку? Высеченная в скалах над Мертвым морем. Простой язык, но очень выразительный, не правда ли?» Он говорит: «День жаркий, а в пещере прохладно».

Они отдыхали глубоко в пещере. Внезапно перед входом в пещеру появилась тень, и они с изумлением увидели царя Саула. Они не знали, что он так близко преследовал их.

Саул входит в пещеру, но не видит их. Только что оторвавшись от палящего солнца пустыни, его глаза не привыкли к темноте, и он не различает теневые фигуры в глубине пещеры. К тому же, в тот момент он их и не ищет.

Он вошёл в пещеру, чтобы справить нужду. Он поворачивается к ним спиной. Конечно, у вас нет времени описывать каждую сцену в повествовании, но я думаю, что иногда можно выбрать подобную сцену и, чтобы помочь слушателям почувствовать происходящее, описать её.

Обратите внимание, что Юджин Питерсон не использовал витиеватый язык, а просто описывал происходящее, так сказать, реалии. Он использовал своё воображение, но это воображение ограничено деталями текста. Поэтому иногда приходится думать: вот Давид в пещере, и Саул входит в эту пещеру.

Ну и как это выглядит? Обратите внимание, он говорил о том, что в пещере темно, глаза Саула не привыкли к свету, а Давид и его люди находятся сзади. Вам просто нужно описать эту сцену, и для описания подобных сцен не требуется много исследований. Вы можете представить, каково это — войти в пещеру.

Ещё одна книга, которую я иногда использовал на протяжении многих лет, — это книга Джеймса Миченера «Источник». В этой книге повествование то переходит от вымышленного описания археологических раскопок к... Попробую ещё раз.

Книга Джеймса Миченера «Источник» переключается между вымышленным описанием археологических раскопок в западной Галилее и древними историями, стоящими за обнаруженными артефактами. Первые 373 страницы содержат яркие образы из еврейской истории примерно до 605 года до нашей эры, особенно повседневную жизнь семей в Палестине, земледелие и ханаанские религиозные обычаи. Поэтому его описание ханаанских детских жертвоприношений довольно поразительно, и я даже использовал это в своих проповедях, когда говорил о текстах, где это упоминается, пытаюсь помочь людям представить, каково это было.

Я вернусь к этому чуть позже. Но есть и другая книга, более причудливая; покойный пресвитерианский пастор Фредерик Бюхнер написал книгу под названием «Необычные сокровища: библейский справочник», и он предлагает эти краткие, остроумные зарисовки персонажей, которые могут пробудить ваше воображение, если вы хотите вдохнуть жизнь в этих библейских героев. И дело не столько в том, что он провел много исторических или культурных исследований, или что он археолог.

Эти примеры несколько более причудливы, и, вероятно, вы не сможете использовать всё. Например, в Новом Завете он описывает Закхея как маленького, обрезанного социального неудачника с большим банковским счётом и нечестной работой. Так что, как я уже сказал, это не основано на археологических данных.

Просто у него есть свой способ описывать вещи. Вот как он описывает Наамана во Второй книге Царств: он говорит, что Нааман был пятизвездочным генералом сирийской армии, а также прокаженным.

У его жены работала маленькая еврейская рабыня, которая однажды упомянула, что у них на родине есть пророк по имени Елисей, который может излечить проказу так же легко, как жаба. Бородавки . Итак, Нааман отправился в Израиль с рекомендательным письмом от царя и чемоданом, полным денег, и попросил Елисея выполнить его поручение. Елисей велел ему семь раз окунуться в Иордан, и после некоторых первоначальных замечаний о том, что в Сирии есть реки, по сравнению с которыми Иордан выглядит как коровья тропа, Нааман пошел и сделал, как ему было велено.

Когда он вышел, его вполне можно было принять за рекламу мыла из пальмового масла. Нааман был так благодарен, что тут же обратился в веру и полез в чемодан за пачкой пятидесятидолларовых купюр , но Елисей сказал, что он пророк Яхве, а не дерматолог, и отказался взять хоть цент. Разве это не смешно? Вот тут-то и начинается самое интересное.

Вы используете это в проповеди? Потому что иногда такие образы ускользают из вашего внимания, но, возможно, вы сможете адаптировать подобные вещи. Кстати, вы заметили, что это немного устарело. Вероятно, сейчас никто не знает, что такое пальмовое оливковое мыло , но вы поняли суть.

В книге, на которую я ссылаюсь ранее, она называется «Перепрыгни через стену: земная духовность для обычных христиан». Юджин Петерсон предлагает некоторые размышления о жизни Давида, и в этой книге его интерес в первую очередь направлен на духовное развитие, но его размышления действительно будоражат воображение проповедников, которые хотят хорошо рассказывать истории. Он первоклассный мастер слова, поэтому я хочу прочитать вам его описание Шаммы и историю помазания Давида из 1 Царств 16.

Шамма был всего лишь одним из сыновей, и вот что он сам говорит. Шамма был жеманным маленьким утонченным парнем в джинсах Calvin Klein и ковбойских сапогах из крокодиловой кожи. Он едва мог перейти улицу, не испачкав сапоги коровьим пометом , когда жил в глухой деревушке Вифлеем.

Общение со всеми этими простыми людьми, их вульгарными играми и грубыми развлечениями было для него пыткой. Он не знал, чем занимается Самуэль, но казалось, что это может стать билетом в более изысканную жизнь, к культуре и хорошему вкусу. Но Самуэль отмахнулся от него одним лишь покачиванием головы.

И снова этот пример поднимает вопрос: должны ли проповедники использовать разговорный язык, особенно тот, который вводит в повествование современные образы? Я думаю, мы можем это делать, если наша экзегеза ограничивает и информирует, и если мы не злоупотребляем им. Я имею в виду, я думаю, люди понимают, что мы делаем, но, как и чрезмерный юмор, если его использовать слишком много, это может быть воспринято неправильно. Поэтому нужно решить, что сработает, но иногда добавление немного юмора и, возможно, описание Шаммы таким образом оживляет его.

И вы понимаете, что в каждом из этих братьев есть что-то, чего Самуил не видит. Они не подходят на роль следующего царя Израиля. Когда вы описываете подобные сцены, о которых я читал ранее, вам необходимо провести обширное историческое и культурное исследование, и именно здесь вам помогут хорошие комментарии.

То же самое касается библейских словарей, библейских энциклопедий. Я регулярно пользуюсь библейскими атласами и даже книгами по археологии. Эти книги предоставят конкретные детали и помогут вам соотнести ваше воображение с библейским текстом.

В этом вся суть. Например, когда я проповедовал по третьей главе книги Иисуса Навина, я потратил, наверное, около получаса на изучение долины реки Иордан. Я прочитал несколько книг по библейской географии, и вот какой пейзаж я придумал.

Я описал это так. Когда первые лучи солнца выглянули из-за горного плато и осветили долину реки Иордан, воздух уже был влажным и липким. В этой геологической расщелине в подземелье земли, в затопленной долине между двумя разломами, примерно в 300 метрах ниже уровня моря, стояла весна.

Тысячи и тысячи израильтян готовились войти в землю обетованную, но пересечь долину в это время года практически невозможно. Через неё протекает река. Не река Старик, которая просто извивается и течёт, а река Сердитый Старик.

Иордан — не очень широкая река, но весной, когда тает снег, она с ревом и бушует в долине реки Иордан. Это разлившаяся, шоколадно-коричневая жижа, отрывающая куски скал, извиваясь, вертясь, извергая потоки и бушуя. Но Израилю придётся пересечь её, чтобы получить землю, обещанную Богом.

Теперь, если позволите, я бы оценил свой собственный абзац, и мне кажется, там есть несколько слишком витиеватых, слишком описательных выражений. Возможно, выражение «геологическая трещина в подвале земли» — это немного чересчур. С такими вещами приходится бороться.

Но видите, что я сделал? Я попытался описать это, нарисовать картину, потому что, когда люди приходят к реке Иордан, ваши слушатели понимают, что им нужно переправиться через неё. Но я не думаю, что они осознают: это было весной, это небольшая река, но я видел, на что способны маленькие реки. Когда я много лет жил в Монтане, весной некоторые из этих маленьких рек, которые можно было буквально переходить вброд, весной никто бы не рискнул переходить, иначе тебя могло бы унести течением, и ты бы погиб.

Итак, я пытаюсь представить себе сцену, не потому что пытаюсь быть остроумным или милым, а потому что пытаюсь помочь слушателям погрузиться в историю, увидеть то, что видели израильтяне, и почувствовать трудности, с которыми они столкнулись. Хорошо, еще кое-что, что нам нужно сделать, это следовать общепринятым элементам стиля. Рассказчики в нашей культуре разработали стиль, который вовлекает читателей или слушателей в эту историю.

И я понимаю, что некоторые вопросы сводятся к вашим личным предпочтениям, но есть несколько основных правил, которым мы действительно должны следовать, когда проповедуем и пересказываем историю. Одно из них — использовать конкретные, четкие слова. Я не могу это достаточно подчеркнуть.

Так, вместо того чтобы сказать: «Дэвид идёт к передней части пещеры», можно сказать что-то вроде: «Дэвид крадётся к передней части пещеры». Или вместо того чтобы сказать: «Такой-то ударил другого персонажа», можно использовать такие слова, как «ударил» или «ударил». Иногда можно выбраться из словесной рутины, воспользовавшись онлайн-тезаурусом, но убедитесь, что вы используете подходящее слово.

Иногда, если попытаться усилить значение существительного, например, «скала», с помощью определения, например, «большой», это соблазнительно, не так ли? Нет, используйте слово вроде «валун». И вместо «цветы» — в этом слове нет ничего плохого, но выберите подходящее обозначение, например, маргаритки, лилии или розы. Я помню, как однажды проповедовал по 1 Царств 17, и мне хотелось описать долину Эла, поэтому я потратил некоторое время на описание, чтобы узнать, какие цветы, полевые цветы цвели в этой долине, и добавил это к своему описанию.

Так что я, наверное, потратил 10 минут на то, чтобы подобрать одно-единственное слово. Не всегда можно так делать со всем, но всегда нужно искать, и именно поэтому рукопись так полезна. Загляните в свою рукопись, и вы увидите описание, например, «неприятный запах».

Вы скажете: «А как насчет слова „вонь“?» Или вместо «еда» — «кукурузный хлеб», «инжир» или «виноград»? Только убедитесь, что именно это ел бы персонаж в рассказе, хорошо? Тревога или ужас могут сработать лучше, чем сильный страх. Это подводит нас ко второму совету: избегайте излишних определений. Некоторые коммуникаторы используют прилагательные и наречия, чтобы компенсировать недостаток, оставленный слабыми глаголами и существительными.

В этом отношении Эрнест Хемингуэй проявил себя как настоящий мастер. Он действительно научился не доверять прилагательным. Позже, уже в зрелом возрасте, Карл Сэндберг, другой великий писатель, писал: « Я отношусь к прилагательным с большим подозрением, чем когда-либо за все время своего рождения».

Именно поэтому прилагательные вроде «хороший», «плохой», «хороший», «большой», «приятный» часто оказываются неудачными, потому что они слишком общие. Я понимаю, что в Ветхом Завете часто используется еврейское слово «тов», или «хороший», и это нормально. Но во многих описаниях нам нужно быть осторожными, чтобы не просто вернуться к использованию определений, а использовать сильные слова.

Это действительно важный совет, который пригодится вам в работе. Кроме того, я бы хотел предложить третий вариант: избавьтесь от «гасителей». Я говорю здесь о пассивном залоге, который просто высасывает жизнь или энергию.

Помните, что пассивный глагол подразумевает действие и состоит из чего-либо; в английском языке ему обычно предшествуют слова is, was, were или has been. Так, если мы говорим о Голиафе, можно сказать: «Голиафу в лоб попал камень, брошенный из пращи Давида». Но если использовать активные глаголы, получится гораздо выразительнее.

Можно сказать, что Давид метнул камень из пращи и попал Голиафу в лоб. Большая разница, правда? Так что, ещё раз, просмотрите свой рукописный текст и проверьте, нет ли там глаголов в пассивном залоге. На самом деле, это может быть тем местом, где вы могли бы использовать искусственный интеллект.

Мы всегда должны быть осторожны и не использовать ИИ для выполнения необходимых нам задач. Но как только вы закончили свои размышления, допустим, у вас есть рукопись, загрузите её в ИИ и задайте ему конкретный вопрос. Вы должны дать ему правильную подсказку.

Допустим, выделите все глаголы в пассивном залоге. И программа это сделает. Вы можете посмотреть на текст и, возможно, найти одно или два места, где вы

скажете: «Мне действительно нужно было использовать глагол в пассивном залоге».

Это нормально. Но я думаю, вы также обнаружите места, где, если вы измените это и сделаете активным, система может пометить это предложение. В лоб Голиафа попал камень, брошенный из пращи Давида.

И если это бросится вам в глаза, вы посмотрите на это несколько секунд и, возможно, скажете: «Хорошо, давайте я это продемонстрирую». Итак, Давид метнул камень из пращи и попал Голиафу в лоб. И это будет выглядеть гораздо эффективнее.

Кстати, словосочетание «там» может притупить смысл прозы и затянуть повествование. Вместо того чтобы сказать: «В наставлениях Цицерона И.Л. было что-то ироничное», просто скажите: «Наставления Цицерона И.Л. были пронизаны иронией». Видите разницу? Так что, опять же, если вы загрузите свой текст проповеди в определенный сервис искусственного интеллекта, он отметит это для вас.

А потом, немного подумав, можно изменить это на активное. И это гораздо мощнее. И я только что нарушил своё правило, это гораздо мощнее.

Понимаете, что я имею в виду? Именно этого мы хотим избежать в наших проповедях и в нашем общении. Так легко это может произойти как в устной, так и в письменной речи. Поэтому мы должны быть бдительными.

Четвертый пункт: воздержитесь от излишней вычурности. Я уже говорил об этом, но стоит повторить. Слишком много креативных слов и описаний имеют тот же эффект, что и слишком много кленового сиропа на блинах.

Если такое вообще существует. Я не знаю. Мне очень нравится кленовый сироп, но я понимаю, в чем дело.

Слишком много — это уже слишком. И возникает соблазн чрезмерно преувеличивать в описаниях. В нашем стремлении избежать банальных слов это часто происходит при описании диалогов.

И вместо того, чтобы просто сказать: «Голиаф сказал», — возможно, это звучит слишком нелепо, но мы хотим сказать: «Голиаф взревел». И это может сработать один раз. На самом деле, это может быть правильным вариантом.

Но если вы продолжите это использовать, это будет перебором. На самом деле, возможно, крик Голиафа наиболее эффективно донесет эту мысль. Пятый пункт: покажите читателю, а не рассказывайте.

Вы хотите, чтобы читатели сами сделали выводы или почувствовали что-то, а не просто получили готовые объяснения. Поэтому вместо того, чтобы говорить, что Голиаф был огромным человеком, или даже что Голиаф был похожим на Невероятного Халка, это хорошо. Это работает.

Но можно сказать, что когда Голиаф стоял в дверном проеме, он занимал всю площадь проема. Или можно сказать, что бюстгальтер и куртка Голиафа весили около 125 фунтов. А наконечник копья весил столько же, сколько ядро для толкания.

Вот чем мы и занимаемся. И вы можете сказать: «Спокойной ночи». Но я так не думаю.

Вот тут-то и начинается самое интересное, о чем я говорил ранее. Почитайте произведения авторов, которые используют яркие образы, независимо от того, описывают они библейские сцены или нет. И это станет частью вашего образа мышления, а затем и вашей речи.

Поэтому мы всегда стараемся находить хорошие, яркие способы выразить мысли. Помимо пересказа истории, во время проповеди мы будем уделять время созданию образов. В некоторой степени мы уже это делаем.

Мы хотим создавать образы в умах наших слушателей, потому что люди реагируют на образы, которые хранятся в их воображении. Поэтому, помимо визуализации действия истории, вам могут понадобиться и другие визуальные средства для ваших слушателей. Одним из них могут быть поясняющие изображения.

Здесь вам нужно объяснить историческую и культурную информацию. И знаете, как это делают многие проповедники? Они говорят: «В древней ханаанской религии», или, что ещё хуже, «позвольте мне рассказать вам немного о древней ханаанской религии». Это просто усыпляет людей.

Есть более эффективный способ: просто изобразить сцену. Как я уже упоминал, я читал книгу Джеймса Миссионера «Источник». Однажды, когда я проповедовал в Книге Царств, и там был израильский царь, который практиковал жертвоприношения детей, я хотел помочь своим слушателям представить себе весь ужас этого.

Возможно, на первый взгляд это несложно, но я поступил так. Я сказал: представьте, что вы возвращаетесь домой после рабочего дня в своих оливковых рощах и застаёте священников своей деревни. Они сообщают вам и вашему супругу ужасную новость, которой вы так боялись.

Звезды указывают на то, что с севера на нас нападет войско, превосходящее по численности прежние. Крайне важно предпринять шаги и завтра устроить сожжение солнц. Краской, добытой на морском берегу, они окрашивают запястья вашего младенца, а затем указывают вам прекратить рыдать.

Это один из возможных способов. Опять же, если бы я мог вернуться к этому и поработать над этим, я бы, возможно, так и сделал. Думаю, в последнее время меня беспокоит излишняя витиеватость, слишком много ярких описаний.

Но я думаю, что подобная иллюстрация могла бы помочь людям. Мне кажется, когда мы слышим о жертвоприношении детей, это просто не доходит до нас. И заметьте, я не описывала само жертвоприношение, а лишь описала события, которые к нему привели, чтобы помочь людям понять, чего боялись люди, исповедовавшие языческую религию.

И если это практиковалось в Израиле, а мы знаем, что это было так, судя по тому, как распространилась ханаанская религия, то именно это и переживали люди. Кстати, я настоятельно призываю проповедников никогда, никогда, никогда не говорить: «Позвольте мне рассказать вам предысторию, чтобы помочь вам понять историю, которую мы сегодня рассмотрим». Это, опять же, просто способ усыпить слушателей.

Возьмите эту справочную информацию и расскажите её как часть истории. Это один из навыков, и вы можете позволить себе предоставить много справочной информации. Когда вы рассказываете это как историю, люди будут внимательны, они будут слушать и не поймут, что то, что вы им рассказываете, основано на ваших исследованиях в библейских словарях.

Но если вы просто встанете и зачитаете абзац из этого библейского словаря, каким бы полезным он ни был, это наскучит вашим слушателям, и они не будут представлять себе, что происходит в повествовании, которое вы пытаетесь рассказать. Они будут думать о том, что будут есть на обед. Я также предлагаю подумать об изображениях для применения.

Я думаю, нам нужно нарисовать картины того, как выглядит правда, в воображении слушателей. Я никогда не забуду, как присутствовал на заключительных прениях по делу об убийстве в нашем городе. Молодой человек предстал перед судом по обвинению в умышленном убийстве своего давнего друга, и меня поразило, что и прокурор, и адвокат защиты в своих заключительных прениях рассказывали истории.

Каждый адвокат выстроил свою версию причастности подсудимого к убийству, и меня поразило то, что каждый из адвокатов умолчал о многих технических

данных, которые они обсуждали ранее в ходе судебного разбирательства. Они не ссылались на баллистическую экспертизу, анализ пятен крови, проведенный криминалистической лабораторией, и так далее. Они просто просили присяжных принять их версию преступления за основу.

И я думаю, что проповедникам нужно придерживаться того же подхода. Когда мы говорим о применении, я думаю, мы должны показать людям, как это выглядит на практике. Например, вот изображение, демонстрирующее подход Барака к его уникальной ситуации, когда мы сталкиваемся со своей уникальной ситуацией.

Ситуации, требующие от нас проявления мужества. Именно так я описал это в одной из проповедей. Я сказал, что легко колебаться, как это сделал Варак перед лицом Божьих заповедей.

Бог повелел Вараку возглавить израильское войско против войска Иавина. Для вас это может быть Божий призыв провозглашать Евангелие и признавать Иисуса перед людьми в вашей жизни, но вы не решаетесь высказаться, зная, что поставите под угрозу свою безопасность или, по крайней мере, свой комфорт. Или, возможно, вам трудно воспитывать своих детей, чтобы научить их мудрости .

Вы не решаетесь установить границы в отношении их использования социальных сетей. Вам не хватает смелости сказать, что вы не можете загрузить это приложение на свой смартфон. Понимаете, что я имею в виду? Вместо того чтобы просто сказать: «Знаете, нам нужно применить это в нашей домашней жизни, или нам нужно применить это в воспитании наших детей, или в провозглашении Евангелия».

Это правда, но мне потребовалось несколько секунд, не много времени, но всё же несколько секунд, чтобы нарисовать образ. И это то, что я бы назвал «образом применения», который описывает ситуацию, с которой столкнутся ваши слушатели. А как насчёт иллюстраций, цитат или другой фактической информации ? Честно говоря, я считаю, что проповеди по ветхозаветным повествованиям не обязательно должны сильно полагаться на иллюстрации, цитаты или статистику, или, по крайней мере, мы используем эти материалы по-другому.

Когда дело доходит до иллюстраций, знаете ли, история, которую вы рассказываете, сама по себе будет иметь вес. Нужно быть осторожным; если вы превратите историю длинной иллюстрацией, это сыграет вам против вас. На самом деле, я почти никогда не использую истории в качестве иллюстраций во время проповедей.

Если я буду проповедовать по Книге Судей, главам 17 и 18, я не буду говорить: «Много лет назад Авраам Линкольн, когда он пришел к реке Фокс, да-да-да-да-да». Я не буду этого делать, потому что это отвлекает от рассказываемой мной истории. Это просто лишает повествования энергии и динамики, а я этого не хочу.

Любая иллюстрация, которую я собираюсь использовать, должна быть краткой. Например, если я проповедую об Иерихоне в 6-й главе Книги Судей, после того как я прочитаю или опишу военную стратегию, согласно которой люди просто собирались обходить город в течение семи дней, не вступая в бой, я могу сказать: «Знаете, не нужно быть экспертом по военным сражениям, чтобы понять, насколько странна эта стратегия. Это почти как если бы тренер сказал своей баскетбольной команде: вот план игры».

Я хочу, чтобы вы вышли на площадку и держали мяч все четыре четверти. Замечаете, как быстро это произошло? Это не была долгая, затянутая иллюстрация. Я не рассказывал историю о том, как Фил Джексон тренировал Майкла Джордана, или что-то подобное.

Это было как бы мимоходом. Потребовалось всего пара предложений, и это примерно всё время, которое у нас будет на это. Что касается цитат, то обычно я оставляю их для вступления или заключения проповеди.

Опять же, я не хочу останавливать развитие сюжета, который рассказываю. Если я что-то и буду делать, то, возможно, воспользуюсь аналогией, как это было в книге Иисуса Навина, глава 6, чтобы люди, если я объясняю что-то, что им кажется странным, могли сравнить это с чем-то современным, и люди подумали: «Ага, хорошо, я это понимаю». Вот что мы хотим сделать.

Мы уже говорили о внутриконфессиональной информации, и, опять же, важно уметь преподнести эту информацию в виде истории, чтобы слушатели не запутались. Теперь, вкратце, как начать проповедь и как её завершить, если речь идёт о повествовании из Ветхого Завета? И я бы сразу сказал, что это не место для длинных вступлений или заключений к проповедям. Нужно сразу перейти к истории.

Хэддон Робинсон говорил, что хорошее вступление к проповеди вызывает интерес, пробуждает потребность в проповеди, а затем ориентирует слушателей на текст. И я думаю, что именно этого мы хотим добиться, когда начинаем проповедь, основанную на повествовании Ветхого Завета. Можно начать с цитаты.

Можно начать с, знаете, очень короткой истории. Опять же, я бы не стал использовать рассказ, потому что вы будете конкурировать с библейской

историей. Но начните с чего-то, что вызовет интерес, что покажет необходимость проповеди.

Можно начать проповедь об идолопоклонстве, возможно, используя цитату Джона Кальвина о том, что человеческое сердце — это фабрика по изготовлению идолов. Можно начать с того, что это сегодня актуальная проблема, и указать людям, что в книгах Судей 17 и 18 будет показано, почему нам следует беспокоиться об идолопоклонстве. Каковы его негативные последствия? Какой вред причиняет идолопоклонство? А затем мы расскажем историю.

Мы утверждаем, что эта история ответит на этот вопрос. Мы рассказали эту историю. Обратите внимание, я не раскрыл главную идею, но дал достаточно предварительный обзор, чтобы люди понимали, о чём будет рассказано в этой истории.

Да, я знаю, людям интересна эта история, и как только вы начинаете её рассказывать, они её слушают. Но я считаю, что лучше начать с самого начала, не только чтобы вызвать интерес, но и чтобы пробудить потребность. К тому моменту, когда люди закончат с введением в повествование, я хочу, чтобы они подумали: «Я хочу послушать эту историю».

На самом деле, мне нужно выслушать эту историю, потому что она затронет проблему, с которой я борюсь. Вот что может сделать хорошее вступление. Кстати, можно начать с того, что мы называем "холодным вступлением".

Можно сразу же погрузиться в одну из сцен истории и начать её описывать, а потом как бы отступить и сказать: «Это часть истории, которую мы сегодня рассматриваем», или «Вот в какую передрыгу попадает наш персонаж», и знаете что? Мы сегодня попадаем в ту же самую передрыгу. Вот почему нам нужно услышать эту историю. Вот что мы и пытаемся сделать.

А затем — завершение, заключение, опять же, оно должно быть кратким. Вы достигаете той кульминации, того момента озарения, когда, я думаю, вы примените полученные знания на практике, и на этом всё. Возможно, цитата или краткая иллюстрация в конце помогут всё связать воедино, но сейчас не время для длинного, затянутого объяснения или чего-либо подобного в заключении.

Просто посадите самолет. Если вы хоть раз летали, то знаете, какое это раздражение, когда знаешь, что пора садиться, но чувствуешь, или, может быть, пилот даже скажет, что мы кружим над аэропортом, много самолетов, и поэтому мы ждем своей очереди, и это начинает раздражать. Мне кажется, иногда концовки проповедей бывают именно такими.

Вот почему я бы посоветовал вам написать заключение в виде рукописи , чтобы вы точно знали, что собираетесь сказать, потому что вы знаете, что произойдет, если этого не сделать? Я сам через это проходил. Я начинаю заходить на посадку, и что-то не так, поэтому я снова облетаю участок. И снова захожу на посадку.

Это кажется неправильным. Вы продолжаете говорить, потому что не знаете, как остановиться. Поэтому убедитесь, что и ваше вступление, и заключение кратки, и на этом пора встать и начать проповедь.

Вы подготовили рукопись. Вы знаете, как будете её дополнять. Пришло время встать и произнести проповедь, и поэтому в следующий раз, на следующем занятии, мы поговорим о том, как эффективно произнести эту проповедь.

Это доктор Стивен Д. Мэтьюсон в своей серии проповедей о повествованиях Ветхого Завета. Это восьмое занятие: Рассказывание историй, вхождение и выход.